

К Р И Т И К А.

I.

На фундаментъ прошлого.

Власть Всероссийскаго Императора. Очерки дѣйствующаго русскаго права. П. Е. Казанскаго, ординарнаго профессора, декана юридическаго факультета, Императорскаго Новороссійскаго университета. Одесса. 1913 г. XL+960 стр.

— Ничего не подѣлаешь... Много дѣлали.

— Кто?

— Цари, Цари. Всѣ занимались личными своими дѣлами, они занимались общимъ дѣломъ. Всѣ дремали, они бодрствовали. Раньше всѣхъ взялись за общій трудъ,—не ихъ „Романовскій трудъ“, не ихъ—„Рюриковскій трудъ“, а за трудъ „всёя Россіи“. Понукали, вели, наказывали. Строго наказывали. Жестоко наказывали. Прошали. И наказанъ-ли *кто*.—говорили: „отъ Него“, и награжденъ-ли бывалъ *кто*.—говорили: „Онъ далъ“.

Все „Онъ“, „Они“. Все одно имя. Куда ни повернись, война-ли, миръ-ли, народный-ли голодъ, всероссійская-ли чума, все кто-кто „Одинъ“ заботится, хлопочетъ, молится,—скорбитъ. И образовалась всероссійская тяга, которая—какъ только „на Руси не ладно“, „на Руси опасно“, „на Руси гибельно“,—обращаетъ взоры всѣхъ къ одной фигурѣ, одному человѣку, одному имени, который до Петра Великаго звался „русскимъ Царемъ“, а послѣ Петра Великаго и по его первому примѣру и отъ него наслѣдованію, сталъ называться „всероссійскимъ Императоромъ“. Тяга эта уже есть. Тяги этой никто не можетъ взять оттого, что никто *уже*, главное *уже*... не трудился тысячи лѣтъ надъ однимъ домомъ, нашимъ общимъ домомъ, гдѣ мы всѣ живемъ, питаемся, дуемся, который насъ обуславливаетъ, а мы никакъ не можемъ его обусловить.

Что дѣлать съ „уже“... Какъ поправить, измѣнить то, что было? По-истинѣ „никто не можетъ вторично войти въ утробу матери и родиться вновь“.

И если-бы мы съ безумной торопливостью и неслыханнымъ успѣхомъ начали работать, энергичествовать, героичествовать, показали-бы себя Геркулесами и Ахиллами,—мы все-таки стали-бы *прирабатывать* только къ Россіи, положимъ отъ 1900 года. Побѣдили-бы Японію и отняли-бы отъ нея Корею и Сахалинъ. Но это-же вѣдь меньше Сибири. Отняли-бы у Германіи Померанію: но это меньше Прибалтійскаго края и Финляндіи. Побѣдили-бы Австрію и приобрѣли Червонную Русь,—хорошо, прекрасно,—и все-таки эти всѣ побѣды меньше дѣлтъ Екатерины и Суворова, Петра и его Меньшикова, Долгорукаго и Щереметева. Что-бы мы не сдѣлали *потомъ*, все будетъ меньше того, что сдѣлано уже...

Ужасное „уже“, непоправимое для насъ и нашихъ потомковъ...

Непоправимое и непобѣдимое...

А разъ все „наше“ будетъ меньше, чѣмъ „ихъ“, то и тяга „къ намъ“ будетъ всегда меньше тяги „къ нимъ“. И главное, все это—„уже“, чего никакъ нельзя перемѣнить. Нельзя человѣку забыть своей біографіи и народу нельзя забыть и перестать чувствовать свою исторію.

Это выше нашего „хочу“ и „не хочу“, „понимаю“ и „не понимаю“. Это-то могущественное „есть“, съ которымъ вообще нельзя ничего подѣлать. Есть, совершилось. Всѣ слушаютъ, всѣ повинуются.

Пирамида „слушаній“ и „повиновеній“ и образуетъ „наше царство“, которое лишь, во-вторыхъ, есть матеріальное и физическое, вещественное, военное, географическое; но, во-первыхъ-то, и прежде всего оно есть духовное царство, идеальное царство, заключающееся въ 140 миллионномъ „намъ хочется того, что Царь находитъ лучшимъ, и справедливымъ, и мудрымъ“.

Сказали и забыли все, а ужъ *онъ* заботится. Какъ заботится—мы не знаемъ и доверяемъ. Доверяемъ по 1000 лѣтъ своего опыта, когда Царь и Цари не растеряли Русь, сохранили Русь, устроили Русь.

Намъ поспать хочется. Полѣниться хочется. „Въ свои дѣлишки“ уйти хочется. Скверное обстоятельство,—и, конечно,

„лучше-бы всѣмъ пробудиться и дѣлать“. Прекрасно,—пробудились и дѣлаютъ. Но они могутъ только „постараться дѣлать“, а не то, чтобы „уже сдѣлали“... Весь секретъ исторіи въ этихъ трехъ буквахъ, въ этихъ трехъ благословенныхъ буквахъ у, ж, е. За тѣми, которые попытаются начать дѣлать, не стоитъ никакого „уже“; и какъ-бы намъ не хотѣлось довѣрять ихъ успѣшности, гению, мы все-таки можемъ лишь *нудить* себя повѣрять, а настоящей и полной увѣренности у насъ быть не можетъ; и потому единственно, что нѣтъ за новенькими—фатальнаго „уже“. Съ этимъ „уже“ ничего нельзя подѣлать: оно есть душа всего, одушевляетъ на все, крѣпитъ надежду, вѣру. „Всѣ вѣрятъ“.

Это если—онъ.

А если *мы*, то является то окаянство, что:—Никто не вѣрять.

Психологія, лежащая фундаментомъ въ основѣ всего царства.

Исправники вѣрятъ. Полицеймейстеры вѣрятъ. Пастухи вѣрятъ. Судьи вѣрятъ. Солдаты вѣрятъ. Даже воры вѣрятъ, что „можетъ казнить только Онъ“.

Вдругъ его казнить хочетъ Милюковъ. — Воръ со „Дна“ Горькаго отвѣчаетъ:

— Кто вы и почему вы меня казните?

— Я профессоръ.

— Не знаю, что такое „профессоръ“.

— „Профессоръ есть тотъ, кто читаетъ лекціи въ университетѣ“.

— Не знаю, что такое „университетъ“ и что такое „лекція“.

Но всякій даже со „Дна“ Горькаго знаетъ, что такое „Царь“ и даже имѣетъ ужасно поражающее знаніе, какое-то врожденное, переданное ему почти въ вѣковомъ трепетѣ отцовъ и дѣдовъ, что „Царь можетъ казнить“. Знаетъ это и татаринъ, и баронъ, и Сатинъ, и актеръ, и проститутка.

Коиъ невозможно объединить, невозможно въ *одномъ* въ чемъ-нибудь убѣдить, невозможно подъ нихъ подвести „одного общаго знаменателя“.

„Царь“,—матеріально и идейно—и есть тотъ „общій наибольшій дѣлитель“ или „наименьшее кратное число“, что-ли, безъ коего задача всѣхъ матеріальныхъ и всѣхъ идейныхъ обстоятельствъ русской жизни „не рѣшается“, а при его наличности—„рѣшается легко“. Гдѣ-то въ темномъ уголкѣ

нашей души,—притомъ души всякаго, даже анархиста,—стоитъ безмолвная фигура, „Царь“, безъ коего не можетъ думать, дѣйствовать и жить даже анархистъ. Онъ борется—противъ „Царя“; мы любимъ — „Царя“. Если-бы не было „Царя“, если-бы какъ-нибудь угасла его идея, то не только моя психологія, но и психологія анархиста потеряла-бы стержень, около котораго она обращается. И естественно перестанетъ обращаться, т. е. мы оба перестанемъ духовно жить. Мы станемъ чѣмъ-то невообразимымъ,—„Грекомъ при Периклѣ“, „Нѣмцемъ въ эпоху реформаціи“, „Французомъ въ пору революціи“,—т. е. для насъ и въ наши времена чѣмъ-то миеологическимъ и никому не нужнымъ, какъ только изъ насъ вынута слово и понятіе „Царь“. „Царь“, такимъ образомъ, эта безмолвная фигура въ душѣ каждаго есть то „2“ на которое дѣлится „4“, „6“, „8“ и т. д., и т. д., „дѣлится всякая душа русская“, уже по природѣ и отъ рожденія своего и этого просто невозможно избыть какъ „креста“ нельзя избыть „христіанину“... Мы—*не Русскіе*, насколько мы не понимаемъ, что такое „Царь“. Ибо такъ родилось все, такъ устроилось все, и просто это есть „сложеніе (конструкція) чиселъ нашей страны“.

Я выразилъ кратко и „по-своему“ ту мысль, которая на протяженіе *тысячи* страницъ—перевиваясь мириадами цитатъ изъ ученыхъ книгъ и изъ нѣкоторыхъ отмѣченныхъ рѣчей въ Г. Думѣ и въ нѣкоторыхъ законодательныхъ памятникахъ—развивается въ одушевленномъ, твердомъ и смѣломъ трудѣ одесскаго профессора, г. Казанскаго. Я былъ это лѣто на югѣ, и мнѣ передавали впечатлѣніе отъ „одесской революціи“ личные ея зрители,—когда Евреи бѣжали по улицамъ съ наглыми и побѣдными криками: „*издохло* ваше самодержавіе“. И слово это у людей, ничего раньше опредѣленно не думавшихъ о „самодержавіи“, не думавшихъ за лѣтнюю и вообще за „бытовую жизнь“—вызвало ужасъ и яростный отпоръ въ движеніи сердца: „*Нашъ* Царь! *Нашъ* Царь!—мы не хотимъ вашихъ еврейскихъ вождей, будь то самъ Давидъ или самъ Соломонъ“. Для современниковъ и главное для будущаго передаю эти буквальные слова, мною слышанныя, изъ кусочка „русской революціи въ Одессѣ“; притомъ слышанныя изъ устъ очень образованной (по моему геніальной) Румынки, но очень „усвоившей себѣ“ все рус-

ское. Проф. Казанскій безспорно родомъ великоруссъ изъ среднихъ губерній, тоже вѣроятно пережилъ *лично* дни одесской революціи: и оттого книга его—не безкровный ученый трактатъ, а одушевленное и „съ кровообращеніемъ въ себя“ политическое, историческое и религиозное исповѣданіе... Для „ученыхъ“, для „профессоровъ“, которые вообще являютъ собой бальзаковскую „шагреновую кожу“, уже безъ одушевленія и дыханія—это очень ново... Свои, „ученые“, товарищи,—вѣроятно, „распнуть“ г. Казанскаго. Но его трудъ приметь Россія. Его трудъ не „между-народно-ученый“, а русскій трудъ... Давно пора!..

Смысль его въ томъ, что несмотря на наличность у насъ всей конституціонной обстановки и на наличность парламента—чего не отрицаетъ и не порицаетъ г. Казанскій,—у насъ тѣмъ не менѣе въ глубинѣ вещей, въ глубинѣ всѣхъ русскихъ обстоятельствъ, конституція нѣтъ, конституція была-бы бѣдствіемъ, конституція невозможна и, наконецъ, она прямо вызвала-бы непониманіе себя. А если-бы ее дѣйствительно люди поняли и почувствовали—то это вызвало-бы что-то въ родѣ народнаго помѣшательства и яростное отверженіе себя, яростную и даже кровавую борьбу противъ себя народа. Если бываетъ и бывало, что „народъ иногда бунтуетъ“,—то это кажущіеся и мнимые „бунтики“; но настоящій и страшный бунтъ можетъ произойти только за *самодержавіе*. Настоящее возстаніе поднялось-бы въ единственномъ случаѣ, если-бы народъ почувствовалъ, что у него *отнято самодержавіе*, т. е. отнять предметъ тысячелѣтней вѣры.—„Онъ, Батюшка, казнить, Онъ и милуетъ“, „Онъ устраиваетъ, Онъ все знаетъ“, „Какъ Онъ, Батюшка—хочетъ, а мы—за нимъ“.

Выше всего и прежде всего „Царь есть *защитникъ* народный“, главное—защитникъ *слабыхъ* и *обиженныхъ*; сиротъ. „*Безграничность*“ воли царской прямо вытекла изъ „*voló*“ народнаго, дабы эта „защита“ и „защитимость“ были дѣйствительно безграничны, не ограничены, нескончаемы, всемогущи. Какъ только народъ увидитъ „границу“ Царю,—границу-ли въ „барскомъ положеніи“, границу-ли во власти духовенства, границу въ законахъ, правилахъ, привычкахъ, традиціяхъ, границу въ „народныхъ представителяхъ“, въ „конституціи“, такъ народъ растеряется, сироты растеряются

и завопятъ: „кто же во всякомъ случаетъ и во всякомъ зломъ обстояніи насъ защититъ!!!“—„Подайте намъ Его безконечнаго, который бы всякую препону прорвалъ и всякаго человека и людскую массу одолѣлъ“. Вотъ. Это—воплъ сиротъ обиженныхъ, безправныхъ, не могущихъ,—въ которыхъ пропорціонально „Я не могу“—каждаго лица живетъ коррективъ: „Пусть Онъ можетъ все“. И этотъ вопль до того могущественъ, неодолимъ, это есть такой вой океана въ бурю,—что онъ опрокидываетъ какъ щепку все, все, что мы умѣемъ вообразить и что мы сумѣли бы построить. По сему претензія кого-либо сказать:

— Онъ не можетъ... Позвольте-съ, въ данныхъ обстоятельствахъ и по такимъ-то условіямъ—онъ не можетъ, Царь не можетъ...

Эта претензія вызвала бы такой ревъ народнаго урагана, послѣ котораго отъ „претензій“ и щепокъ нельзя было бы найти.

Никакія бумажныя „конституціи“, будь даны онѣ даже „по всей формѣ“, не измѣнили бы и не измѣнять этой „конституціи“, т.-е. сложенія, устройства Русской земли... И теперь Государь точь-въ-точь такъ же самодержавенъ, какъ Іоаннъ Грозный... который даже „ушелъ въ монастырь“ Богу молиться, „отрекшись отъ самодержавія“ и назначивъ вмѣсто себя царемъ Симеона Бекбулатовича, т.-е. „кой-кого“. Онъ „отрекся отъ царства“, а народъ попрежнему его одного считалъ царемъ. Примѣръ данъ. Фактъ испытанъ. Царь вовсе „не на тронѣ въ Москвѣ“,—а есть у cadaго русскаго въ сердцѣ „тронъ“, и на немъ сидитъ „одинъ Царь для всѣхъ“. И вотъ этого-то „въ сердцѣ Царя“ нельзя ничѣмъ и никакъ ограничить.—Есть.

Ну, что вы сдѣлаете съ „есть“. *Есть, бытіе*,—это во главѣ всего, выше идей, пожеланія.

— „Господи, если бы климатъ въ Россіи былъ какъ въ Італіи“.

Но намъ принадлежитъ любить русскій климатъ, потому—что онъ есть между 36° и 71° параллелями и отъ „меридіана Вержболова“ до „меридіана Берингова пролива“.

Вотъ почему всякая революція есть могила самой себѣ.

И она полна червей. И только. А „люди“ всѣ поверхъ могилы въ „нашемъ миломъ царствѣ“, гдѣ „всякая шестерочка

дѣлится на два“, и гдѣ намъ Потемкины и Шуваловы, Панины и Воронцовы, наконецъ, даже Сперанскій и Аракчеевъ ближе, понятнѣе и интимнѣе Перикла и Кимона: потому что тѣ—*чужіе*, и намъ *вовсе не понятны*.

Сперанскаго мы уговоримъ: какъ я уговорю Перикла?! Онъ не пойметъ, онъ не станетъ слушать.

Аракчееву я дамъ полное повиновеніе, онъ успокоится: но какъ и что я дамъ Кимону, когда ни я его не понимаю, ни онъ меня не понимаетъ.

И оттого, что „Сперанскій можетъ насъ слушать“,—черезъ 30 лѣтъ пришелъ прелестный Станкевичъ.

И оттого, что Аракчееву повиновались, протекли четыре десятка лѣтъ и Россія зашумѣла въ „эпоху преобразованій“.

„А потому, что она Россія и она милая“.

И потому, что Царь избираетъ и довѣряетъ, совѣтуясь съ Богомъ, душой своей и разумомъ.

Вдругъ бы Его ограничить. Господи: въ какой точкѣ? Въ какой моментъ? Въ какомъ состояніи?

„Вотъ когда онъ приблизить къ себѣ Жуковскаго или Станкевича“.

Господи: на 1000 лѣтъ одни „Станкевичи“. Я бы задохнулся и всѣ бы задохнулись въ сахарѣ, стихахъ и лекціяхъ Грановскаго.

И вздохнули бы:

— Господи, хоть бы немного желѣза, твердости, повелительности и шумной бранной славы.

И дѣйствительность, и мечты, и грезы человѣческія, народныя — безконечны, неуловимы, неисчерпаемы. Неисчерпаемо *нутро* человѣческое...

И этому совершенно соотвѣтствуетъ то благое устройство, что есть Нѣкто среди насъ Одинъ, коему все возможно... Возможно не только въ *мысли*, но въ самой *мечтѣ*. И мы счастливы просто *присутствовать* при безконечномъ царскомъ творествѣ.

Ограниченіе Царя есть *умаленіе* всѣхъ насъ; „ограниченіе царское“, т.-е. строгая и *формальная* конституція, это въ своемъ родѣ Огюсть Контъ и его „позитивизмъ“, т.-е. что-то деревянное, ограниченное, искусственное; что-то *машинное* и *безчеловѣчное* въ центрѣ человѣческихъ дѣлъ.

А „неограниченная царская власть“—это философія Платона и Шеллинга, это стихи Пушкина, неизреченность Байрона, задумчивость Шелли.

И будет ли онъ „Анчаромъ“ (критика враговъ)—слава Ему. Будетъ ли благодѣтелемъ и защитникомъ сиротъ и обиженныхъ—слава Ему.

Не потому что онъ хорошъ.

А потому что „Онъ“—„Онъ“.

Точка. А кто будетъ спорить, того мы будемъ колотить. „Потому что мы Русскіе“. И потому что спорящій крадетъ мою душу и убиваетъ меня.

В. Розановъ.

II.

Н. Лосский. Интуитивная философія Бергсона. Книгоизд. „Путь“, Москва. 1914 г

Философія Бергсона, какъ философія жизни—показываетъ призрачность многихъ философскихъ построений и раскрываетъ нѣкоторые слои жизни. Въ ней не только дѣйственно туманное метафизическое *настроение*, но и налично возможно-отчетливое метафизическое и гносеологическое *построение*. Правда, философія Бергсона вскрываетъ лишь *ближайшіе* слои жизни, не углубляясь до первоисточниковъ: для Бергсона живая личность лишь струя и всплескъ общаго потока жизни. Поэтому метафизика Бергсона постепенно переходитъ въ непредѣленный біологическій витализмъ, неминуемо влияющій и на гносеологию. Живая, но безличная, мысль сливается съ общимъ сознаниемъ, индивидуальность становится поверхностнымъ „я“, а глубинное „я“—уже теченіе общаго потока жизни. Гносеология превращается въ страницу психологии, а психология, будучи метафизически-истолкованной, становится вѣтвью біологии и въ то же время, поскольку жизнь—проникновение сознаниемъ *матеріи*, вѣтвью физиологии. Такимъ образомъ, метафизическое настроеніе философин Бергсона, логически строяемое, наклоняетъ метафизику жизни къ обычному витализму, а гносеологию черезъ психологию—къ физиологии. Но это—лишь *наклонъ*, лишь тенденція. Въ философин Бергсона дѣйствительно чувствуется шумъ.